

Глава 12. Серьги

На кухне усадьбы Ли, у самой печи, вовсю кипела работа.

— Жена Цилана, каша, поди, уже поспела? — Ли Сяосяо помешал длинным черпаком бурлящую в котле злаковую похлёбку и повернулся к стоявшей рядом Вэнь-ши. — Если готова, я понесу её в дом.

Сегодня Сяосяо поднялся на удивление рано. Умывшись и обойдя весь двор, он так и не встретил матушку Ши-ши. Вчера он твёрдо решил, что будет помогать по хозяйству, а потому, недолго думая, отправился напрямик на кухню — подсобить невестке с завтраком.

— В самый раз, дядюшка Сяосяо, несите, — Вэнь-ши заглянула в котёл. Каша уварилась как надо, став густой и ароматной. — Только аккуратнее, ушат горячий. А я сейчас соленья прихвачу и следом за вами приду.

Когда Сяосяо, пытая от усердия, унёс кашу, Вэнь-ши наконец-то облегчённо выдохнула.

Утром, когда дядюшка неожиданно переступил порог кухни и вызвался помочь, она не на шутку перепугалась. Благо вчера муж предупредил её: свёкор с матушкой-гэером решили наконец выбить из Сяосяо ребячество. Хватит ему без дела по деревне шататься, пора приучать к домашнему труду перед свадьбой. Не вспомни она об этом разговоре, ни за что не позволила бы изнеженному юноше хозяйничать у печи.

К счастью, обошлось без происшествий. Хоть Сяосяо и действовал неуклюже, с непривычки путаясь в ухватах, дело у него спорилось. Вспомнив, как сильно старина Ли балует своего младшего сына, Вэнь-ши лишь покачала головой, отгоняя лишние мысли.

Она ловко достала из глиняной корчаги хрустящие соленья, быстро нарезала их ровными ломтиками, аккуратно разложила на тарелке и направилась к выходу.

В конце концов, через полгода дядюшка Сяосяо всё равно будет выдан замуж и покинет родное гнездо. Раз старшие решили обучить его уму-разуму, она спорить не станет — будет просто помогать. Главное — учить на совесть. А уж сумеет ли он хоть чему-то научиться за эти месяцы, тут к ней никаких претензий быть не может.

Кое-как покончив с завтраком, Ли Сяосяо перехватил у ворот старину Ли, который уже взвалил на плечо мотыгу и собрался идти в огород.

— Отец, да где же матушка? Почему он даже позавтракать не пришёл? — не отставал Сяосяо, цепляясь за его рукав.

С самого пробуждения он не видел Ши-ши и теперь изнывал от любопытства. Куда это он мог запропасться с раннего утра?

— Ишь ты, раскудахтался! — добродушно проворчал старина Ли, глядя на прицепившегося к нему младшего сына. — Стоило матушке-гэеру на шаг отойти, как наш Сяо Ци уже извёлся весь?

В душе отца шевельнулась притворная ревность. С самого детства одно и то же: сынок ластился к отцу, только когда нужно было что-то выпросить, а в остальное время бегал хвостиком за матушкой-гэером. Какая досада! Обидно даже — выходит, матушку-гэера он всё-таки любит сильнее.

— Отец!

Почувствовав знакомые ревнивые нотки, Сяосяо мысленно закатил глаза. Столько лет прошло, а старик всё никак не бросит привычку соперничать с собственной супругой за любовь сына. Да и вообще, звать матушку-гэера по любому поводу — это же естественный инстинкт! Тут уж Сяосяо был бессилен.

— Ладно тебе, ладно, знаю я всё, — старик со смешком взъерошил волосы сына.

Ему и не нужны были оправдания, просто нравилось поддразнивать своего любимца.

— Ушёл твой матушка-гэер к старосте. О, легок на помине! Слышишь? Кажется, уже воротился.

Старина Ли только собрался объяснить, зачем Ши-ши понадобилось спозаранку бежать к старосте, как со стороны ворот донеслось громкое, незнакомое кукареканье. По этому истошному крику отец сразу понял: супруг уладил дело и принёс соседского петуха.

— Понял! Спасибо, отец! Ступай себе с миром, а я побежал! — затараторил Сяосяо и припустил к выходу.

Он и сам не понял, как старик угадал возвращение матушки, но расспрашивать не стал. Сейчас юношу заботило лишь одно: нужно было срочно похвастаться своими утренними подвигами у плиты. Если он покажет себя прилежным и работающим, глядишь, строгие родители сжалятся и отменят полугодовой домашний арест. А если совсем размечтаться, то, заслужив их полное доверие, он, возможно, выторгует себе право голоса в вопросе замужества! Человек ведь должен иметь мечту, верно? Иначе какая разница между ним и вяленой рыбой!

Привычно спровадив отца, Сяосяо пулей выбежал во двор. Оглядевшись, он наконец заметил Ши-ши у сеновала в передней части усадьбы.

Подбежав ближе, юноша увидел, что матушка-гэер стоит к нему спиной. Одной рукой он крепко прижимал к себе брыкающегося крупного петуха, а другой пытался выудить из кучи хлама у птичника приличного вида плетёный садок.

«Батюшки...» — растерялся Сяосяо.

«Неужто матушка-гэер решил отдать нашего единственного петуха управляющему Ли в благодарность за помощь?»

Но ведь в хозяйстве птица была на вес золота! Сяосяо точно помнил, как старший брат-гэер ворчал, что этого красавца нужно беречь пуще глаза ради потомства, иначе по весне цыплят не дождёшься.

— Матушка, зачем ты петуха в садок запираешь? — робко спросил Сяосяо, дождавшись, пока Ши-ши совладает с брыкающейся птицей. — Старший брат-гэер ведь говорил, что его трогать нельзя.

«Уж не потому ли это, что на днях старший брат пустил лучшую несущку мне на целебный бульон, и теперь у нас просто не осталось другой птицы для подарка?» — защемило у него внутри. Для крестьянской семьи несущая кура была куда ценнее прожорливого кочета. Сяосяо виновато опустил голову, чувствуя себя кругом виноватым.

— Да что за нелепицу ты несёшь? — вздохнул Ши-ши, усердно обвязывая крышку садка гибким бамбуковым лыком. В его голосе слышался упрёк напополам с досадой. — Ослеп ты, что ли, Сяо Ци? Своего кочета от чужого отличить не можешь! Куда это годится?

Их домашний петух был настоящим хозяином двора — статным, задиристым, гордостью всей округи. Разве поднялась бы у него рука отдать такое сокровище чужим людям на съедение!

Матушка-гэер разогнулся, похлопал себя по бокам, стряхивая прилипшие перья, и добавил:

— Этого молодого петушка я только что сторговал у старосты. А ну-ка, разуй глаза и приглядиись хорошенько. Неужели совсем разницы не видишь?

С этими словами Ши-ши бесцеремонно сунул плетёнку прямо под нос Сяосяо.

— Ну... — Сяосяо сдержал порыв зажать нос, вытянул шею и послушно уставился на запертого петуха.

Затем он повернул голову и отыскал взглядом их собственного кочета, который в этот момент скромно копался в навозной куче у забора.

После недолгого колебания Сяосяо неуверенно произнёс:

— Ну... этот вроде покрупнее нашего будет? Да и оперение у него какое-то... больно приметное, горит прям!

Надо признать, птица у старосты и впрямь была на загляденье: крепкие, чешуйчатые лапы, переливающееся на солнце оперение — настоящий вожак. Первый парень на курятнике!

Одно только портило его грозный вид: прямо под ушными раковинами белели забавные пуховые кругляши, точь-в-точь похожие на нежные лепестки цветущего персика. Словно петух нацепил девичьи серёжки. У этого пришельца они были даже чуть крупнее, чем у их домашнего кочета, отчего его напыщенный вид казался жутко комичным.

«Постойте...» — вдруг осенило Сяосяо.

Он ведь вспомнил, что у всей их домашней птицы, будь то куры или петухи, из-под перьев выглядывали точно такие же белые пуховые «серьги»!

«Вот оно что!» — юноша наконец-то разгадал эту загадку. Должно быть, эти персиковые лепестки — просто отличительная черта местной породы, которую испокон веков разводят в Даляо-цунь и окрестных землях.

<http://bllate.org/book/20616/2132690>